

цию вокруг основных проблем, разрабатываемых Институтом. Экспедиционные отчеты 1946 г. будут опубликованы в очередных выпусках «Кратких сообщений» Института этнографии.

М. Левин

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ

24 декабря 1946 г. защищены кандидатские диссертации окончившими аспирантуру Института А. И. Блиновым и Н. Ф. Такоевой. Диссертация А. И. Блинова, озаглавленная «Маорийские войны», представляет собой обширное (свыше 20 авт. лист.) историко-этнографическое исследование, имеющее целью, по выражению автора, «дать этнографию маорийцев в движении, попытаться нарисовать ее на фоне конкретной, движущейся истории», акцентируя внимание на событиях вооруженной борьбы маорийцев 1843—1872 гг. против Британской империи и на связанных с ней изменениях в их облике. Как указал официальный оппонент проф. С. П. Толстов, маорийские войны XIX в. представляют собой выдающееся явление в истории борьбы колониальных народов против европейских захватчиков. В течение 30 лет небольшой, экономически и культурно отсталый, но храбрый и свободолюбивый народ вел жестокую борьбу за свою землю и независимость против несравненно более сильной и высоко развитой державы, сумел в итоге добиться того, что новозеландское правительство оказалось вынужденным умерить свои аппетиты в отношении грабежа маорийских земель, предоставить маорийцам элементарные гражданские права и более сносные по сравнению с другими колониальными народами условия существования. Основная заслуга автора представленной работы, по мнению оппонента, состоит в том, что он сумел убедительно показать все значение этой героической страницы истории маорийского народа. Как проф. С. П. Толстов, так и второй оппонент, проф. В. К. Никольский, отметили ценность представленного диссертантом труда, который не только построен на обширном и мало известном материале, но и, будучи разработан на основе марксистской методологии, дает совершенно новое освещение исследуемому явлению. Особенно интересной, по мнению С. П. Толстова, является военно-историческая сторона работы, изобилующая подробными описаниями хода военных действий. Обилие приведенного в диссертации фактического материала, как отметил В. К. Никольский, сочетается с обилием выводов, внутренняя целостность работы — с живостью изложения. К работе приложен список литературы, включающий свыше 300 названий, в подавляющем большинстве на иностранных языках. Наряду с указанными положительными сторонами работы оппоненты отметили и ряд имеющихся в ней недостатков. Так, оппоненты считают не вполне удачной самую композицию работы, в которой вводная часть занимает слишком большое место, не оправданное целями исследования. С точки зрения С. П. Толстова глава, трактующая этнографию маорийцев в период войн, должна предшествовать описанию хода военных событий; неудачная композиция привела здесь к тому, что характер движения, особенно на первых его этапах, остался невыясненным. Недостаточно внимание уделено международно-политической стороне вопроса, в частности — деятельности колонизаторов в Новой Зеландии в связи с общей политикой европейских держав на Тихом океане. Подробно описывая события, автор не всегда отводит достаточно места их анализу. В работе не показана социальная сущность движения на различных его этапах, не вскрывается его внутренняя противоречивость, обусловленная противоречиями между национально-аграрным его содержанием и родоплеменной формой. Убедительно показывая, что одной из причин поражения маорийцев был переход части их на сторону англичан, а основной причиной — отсутствие единства их действий, диссертант не раскрыл исторической обусловленности этих явлений. Очень мало места отводит автор и анализу последствий маорийских войн. Оба оппонента возражают против данной автором характеристики социального строя маорийцев. Проф. Никольский считает, что диссертант слишком категорически отрицает наличие у них родовой организации; с точки зрения оппонента, при наличии у маорийцев патриархального рабства у них имела родовой община в стадии разложения. Возражения встретило истолкование диссертантом терминов «ванау», или «вангау», как переходной формы от большой к малой семье (а не патриархальной домашней общины, как полагает проф. Никольский), и «хапу» (или «гапу») как патриархальной общины, а не рода. По мнению проф. Никольского, диссертанту следовало бы уточнить и обосновать свою точку зрения на уровень экономического развития у маорийцев к моменту их первоначального знакомства с европейцами, который автор определяет как, «повидимому», среднюю ступень варварства. Выступивший в прениях проф. С. А. Токарев, не соглашаясь с возражениями официальных оппонентов, считает правильным данный диссертантом анализ общественных институтов и религиозных воззрений маорийцев. Вместе с тем, С. А. Токарев подчеркнул большое значение представленной работы, как первого марксистского исследования на данную тему, автор которого сумел восстановить подлинный ход собы-

тий, сняв тенденциозную обработку первоисточников буржуазно-националистической историографией. Диссертанту присвоена степень кандидата исторических наук.

Диссертация Н. Ф. Такоевой «Кровная месть у осетин в XIX—начале XX столетия» посвящена рассмотрению этого широко распространенного среди народов мира института первобытно-общинного строя, продолжавшего пережиточно существовать у осетин в XIX в., в условиях уже сложившегося классового феодального общества. Официальные оппоненты—доктор исторических наук проф. Г. А. Кокиев и кандидат экономических наук Л. А. Добрускин—дали весьма положительную оценку представленной работе. В диссертации широко использована имеющаяся литература; к разработке темы привлечен значительный архивный материал и данные, полученные автором путем опроса местных жителей—стариков, хорошо помнящих обычаи, связанные с кровной мстью, и принимавших непосредственное участие в разборе «кровных» дел; использованы также произведения устного народного творчества, собранные автором на месте в 1945 г., и записи подобных произведений, хранящиеся в архиве Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Умелое использование этих многообразных источников, многие из которых впервые введены в научный оборот, и разработка их на основе марксистской методологии позволили автору дать свежую, оригинальную работу, по-новому решить поставленные в ней вопросы. Как отметил проф. Г. А. Кокиев, диссертация дает правильное толкование кровной мести, как одной из форм кровно-родственных отношений, которые в эпоху первобытной общины цементировались общностью экономических интересов. В диссертации убедительно показана эволюция института кровной мести, из акта необходимой самозащиты, каким она являлась в условиях родового строя, превратившейся в классовом обществе в акт самоуправства. Совершенно по-новому ставится вопрос о том, что с распадом семейной общины в условиях капитализма формы и методы кровной мести проникают в среду близких родственников, переставших жить общим хозяйством, и таким образом, с исчезновением социально-экономической базы кровная месть перестает существовать как месть родовая. В главе «Кровная месть и религия» диссертантка подвергает обоснованной критике взгляды М. М. Ковалевского, придававшего кровной мести религиозный характер. Вместе с тем, как отметил Л. А. Добрускин, диссертантка, исходя из материалистического объяснения кровной мести как института, в основе которого лежали экономические причины (компенсация за понесенный родом материальный ущерб), убедительно показала и обратное воздействие идеологического фактора—религии, требовавшей обязательного акта мести за нанесенное роду оскорбление. Наряду с отмеченными достоинствами работы оппоненты подвергли критике имеющиеся в ней недостатки. Л. А. Добрускин видит их в основном в 1-й главе работы. Так, в диссертации не вскрыты внутренние социально-экономические процессы, приведшие к разложению первобытно-общинного строя в Осетии. Не показана роль внешних факторов—влияние обществ, стоявших на более высоком социально-экономическом уровне, на развитие внутренних противоречий в Осетии. Не показаны различия в характере семейной общины в условиях родового и феодального общества. Возражает Л. А. Добрускин и против утверждения автора об отсутствии противоречий между семейной и сельской общиной, а также против переоценки пережитков родового строя и недооценки уровня развития феодальных отношений. Г. А. Кокиев возражал против того, что диссертантка относит переселение осетин с гор на равнину к XVII—XVIII вв., тогда как в действительности оно началось только в XIX в. и шло в интересах царской России. Оппонент считает неправильным утверждение автора о связи надочажной цепи с культом предков. Неверно связывает автор посреднические суды с народными судами; они были не постоянными судебными органами, а создавались по мере надобности и действовали параллельно официальным судебным учреждениям. Недостаточно охарактеризованы в работе осетинские тархон-лаги и не выяснен вопрос о том, какими моральными качествами они должны были обладать. Недостаточно показано реакционное значение кровной мести в условиях социалистического строительства. Оппоненты подчеркивали вместе с тем, что имеющиеся недочеты не снижают общей положительной оценки работы, которая безусловно заслуживает быть скорее напечатанной. В прениях выступил Н. А. Пожидаев, отметивший большой интерес обсуждаемой работы. Автору присуждена степень кандидата исторических наук.

25 декабря 1946 г. защитила кандидатскую диссертацию мл. научный сотрудник Института этнографии Ю. М. Лихтенберг. Тема диссертации: «Система родства на острове Рага и вопрос о геронтократии в Меланезии». Официальные оппоненты: проф. С. А. Токарев и проф. В. К. Никольский. Работа посвящена терминологии родства, существующей на острове Рага (Пятидесятиницы), и критике концепции известного исследователя Меланезии Риверса, выдвинувшего теорию так называемого геронтократического строя меланезийского общества. Подробно разбирая эту теорию, диссертантка противопоставила ей замечательное открытие крупнейшего русского этнографа Л. Я. Штернберга, обнаружившего у гиляков своеобразную родовую организацию—трехродовой союз, или «гиляцкую фратрию», дающую ключ к объяснению существующей в некоторых других местах, в том числе и на о. Рага, терминологии родства. По мнению С. А. Токарева, диссертантка дала правильное объяснение номенклатуре родства о. Рага, хорошо показав групповое значение тер-

минов, каждый из которых прилагается к лицам, принадлежащим к определенной брачно-экзогамной группе. Согласен оппонент и с выводом Ю. М. Лихтенберг о том, что «термины системы родства о. Рага, как и термины гильдийской системы, порождены односторонним перекрестно-кузенным браком». Но ряд положений автора представляется С. А. Токареву весьма спорными. Подвергнув справедливой критике искусственные построения Риверса, Ю. М. Лихтенберг отвергла всю его концепцию целиком, включая и то ценное, что в ней имеется. Диссертантка пытается опровергнуть принятую большинством советских этнографов теорию дуально-родовой организации как древнейшей формы деления общества, опираясь на мнение Л. Я. Штернберга, которое оппонент считает ошибочным. Диссертантка впадает в ошибку, придавая универсальное значение «обязательному браку» как основе всех экзогамных форм и отношений родства. В частности, исходя из «обязательного брака», она пытается объяснить описанные Риверсом группы «верана» как «материнский род отца», с чем оппонент согласиться не может. Проф. В. К. Никольский, останавливаясь на вопросе о приоритете дуальной или «триальной», по его выражению, организации, не согласился с мнением С. А. Токарева и считает необходимым этот вопрос обстоятельно продискутировать. Оба оппонента, отмечая основательное знакомство диссертантки с литературой и глубокую проработку материала, подчеркнули важность самой постановки разбираемого в диссертации сложного вопроса, результатом чего явилась интересная, хотя и посвященная узко специальной теме работа. Диссертантке присуждена степень кандидата исторических наук.

7 января 1947 г. состоялась защита диссертации на степень кандидата исторических наук мл. научным сотрудником Института этнографии Н. Н. Волковым. Тема диссертации — «Саамы СССР». Официальные оппоненты: доктор исторических наук Л. П. Потапов и доктор исторических наук проф. А. И. Андреев. Работа, объемом свыше 20 авт. лист., представляет собой историко-этнографическое исследование, основанное как на многолетних личных наблюдениях автора, так и на изучении архивных и литературных источников, с привлечением археологического и фольклорного материала. Первая часть работы дает картину жизни саамов в условиях царской России. При этом, как подчеркнул Л. П. Потапов, автор сумел показать не только отрицательные последствия колониальной политики царского правительства в отношении саамов, но и все то положительное, что несло с собой общение их с русским народом, с русской культурой. Во второй части автор рисует современное положение саамов в СССР, противопоставляя его как положению их при царизме, так и условиям жизни саамов за рубежом. На примере этого крайне отсталого в прошлом народа автор показывает преимущества советского строя, обеспечившего этому народу все условия экономического и культурного роста. К положительным сторонам работы оппонент относит то, что диссертант строит на этнографическом материале исторический очерк саамов — народа, не имеющего письменных исторических источников. Оппонент отметил также ряд приведенных в работе интересных наблюдений по этнографии саамов и оригинальное их истолкование. Таково, например, новое в этнографической литературе объяснение техники «вольного выласа» оленей без ластуха и собаки в летнее время, а также весьма важное соображение автора о критерии в оценке экономического значения оленеводства в общем хозяйственном комплексе, наблюдения по одежде саамов, истолкование свадебного обряда и др. Интересными считает Л. П. Потапов материалы и обобщения автора, связанные с устанавливаемым им классовым расстройством саамов в прошлом, выявленные и описанные им формы эксплуатации, материалы о кулаках-ноядах. Наряду с этим оппонент остановился и на ряде существенных недостатков работы. К ним он относит, в первую очередь, недостаточную обоснованность и неполноту главы о социалистическом переустройстве быта саамов, ценной по своей направленности, но во многих местах не подкрепленной анализом приводимых данных. В главе о происхождении саамов, по мнению оппонента, не связанной со всей работой и механически к ней присоединенной, автор пренебрегает антропологическим материалом вопреки установившемуся в советской этногенетике принципу комплексного использования данных смежных с этнографией дисциплин. Крупным пробелом считает оппонент то, что автор неполно описал систему родства у саамов и ее терминологию. Неточность и непоследовательность в изложении допускает автор и в главе о религиозных верованиях саамов. Но все эти недочеты, по мнению Л. П. Потапова, не снижают ценности работы, вполне заслуживающей того, чтобы быть одобренной в качестве кандидатской диссертации. Проф. А. И. Андреев остановился главным образом на исторической части работы. Соглашаясь в целом с выводом предыдущего оппонента о положительных сторонах представленной работы, А. И. Андреев отметил ее недостатки. В основном историографического порядка: неточность ссылок на документы и отсутствие в ряде случаев оценки источников, неполноту привлеченных материалов и т. д. Не согласен оппонент с поставленной автором задачей ограничить исторический очерк саамами СССР, так как, по мнению проф. Андреева, исследователь здесь неизбежно вынужден постоянно обращаться и к саамам Скандинавии. Наряду с этим оппонент дополнил данную Л. П. Потаповым положительную характеристику диссертации: идя по стопам предшествующих исследователей, автор значительно пополнил их наблюдения новыми фактами,

сделал попытку дать им новое истолкование; не ограничиваясь этнографическим исследованием саамов, дал полезный очерк истории этого народа, дополненный критической сводкой довольно значительной русской литературы. Выступивший в прениях проф. С. А. Токарев, присоединяясь к общей оценке работы официальными оппонентами, отметил как положительные ее качества, так и ряд имеющихся в ней спорных мест и недоработанность отдельных ее частей: неполное и несистематическое этнографическое описание саамов, наличие ряда недостаточно обоснованных положений, в частности в разделе о верованиях, недостаточно четкую и ясную постановку проблемы этногенеза саамов. На диспуте были зачитаны отзывы о диссертации члена-корр. АН СССР проф. В. И. Равдоникаса и заслуженного деятеля науки проф. Д. В. Бубриха, весьма положительно оценивающих работу. Диссертанту присуждена исковая степень.

21 января 1947 г. защищена кандидатская диссертация окончившим аспирантуру Института Г. Г. Стратановичем. Тема диссертации озаглавлена: «Дунгане Киргизской ССР». Официальные оппоненты: кандидат филологических наук проф. Б. К. Пашков и кандидат исторических наук доцент Н. Н. Чебоксаров. Работа, объемом свыше 10 авт. лист., построена на материалах, собранных лично автором во время его поездок к дунганам Киргизии в 1944—1946 гг., на архивных материалах, использованных в диссертации впервые, и на литературных источниках на русском, западноевропейских и китайском языках. Учитывая, что дунгане Киргизии, перешедшие в пределы России во второй половине XIX в., после разгрома восстания 1861—1878 гг., составляют лишь небольшую (численностью около 16 тыс. чел.) часть народа, основной массив которого живет за рубежом,— данная работа представляет особый интерес. Актуальность разработки этой темы, как и научная ценность самой работы, были в первую очередь отмечены обоими оппонентами. Особенно интересна глава, дающая исторический очерк о дунганах, начиная с XI в. вплоть до наших дней. Автор рисует развернутую картину восстания дунган 1861—1878 гг., давая, по мнению проф. Пашкова, правильный анализ и оценку этому важнейшему событию XIX в. в северо-западном Китае и яркую характеристику дунган как свободолюбивого народа, стойко борющегося за свою политическую независимость. Оппонент отметил также ценность научного аппарата работы, широко охватившего существующую литературу о дунганах, и успешную разработку архивных данных, позволивших автору по-новому осветить ряд вопросов и исправить ошибки прежних исследователей. Интересной, хотя и весьма гипотетичной, считают оппоненты и главу об этногенезе дунган. Н. Н. Чебоксаров подробно остановился на этнографической и антропологической части работы, отметив оригинальность приводимых автором этнографических данных и их истолкования. Оппонент подробно разобрал недостатки работы. По его мнению, она производит двойственное впечатление: являясь законченным научным исследованием, построенным на оригинальном материале, она в то же время носит характер научно-популярного очерка; наряду с прекрасно разработанными главами, некоторые разделы носят чисто описательный характер. Материал по отдельным главам распределен неравномерно. Последовательно сопоставляя культуру дунган с культурой китайцев, диссертант не делает того же по отношению к соседним народам Средней Азии. В исторической справке мало места отведено истории дунган после переселения их в Россию, в частности, почти ничего не сказано об отношении дунган к восстанию 1916 г., оказавшему очень большое влияние на их жизнь в последующие годы. В главе «Социальный строй», наряду с подробным описанием обрядов, связанных с семейным циклом, очень мало говорится об общественных отношениях, в частности, только вскользь упомянуто о такой интересной форме, как землячество дунган. Возражения со стороны оппонента встретила даваемая автором типология дунганского жилища и одежды; необходимо было более отчетливо показать резкое отличие жилища и одежды дунган и представителей дальневосточного ареала от этих же элементов материальной культуры народов Средней Азии. Выступивший в прениях проф. Н. В. Кюнер дал очень положительную оценку разбираемой работе. Диссертанту присуждена степень кандидата исторических наук.

О. Корбе

ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ С. Д. ЛИСИЦИАНА

23 января 1947 г. состоялось заседание Сектора Кавказа Института этнографии Академии Наук СССР, посвященное памяти скончавшегося 4 января 1947 г. в г. Ереване выдающегося армянского этнографа, заслуженного деятеля науки Армянской ССР, профессора Степана Даниловича Лисициана.

В заседании, помимо научных сотрудников и аспирантов Института, студентов-этнографов МГУ, приняли участие родные покойного и представители армянской науки, искусства и общественности. В своем вступительном слове председательствующий, заведующий сектором М. О. Косвен, охарактеризовав заслуги покойного С. Д. Лисициана как этнографа, отметил, что Институт этнографии потерял в лице С. Д. своего давнего сотрудника и друга. В бытность свою в Москве в 1945 г.